

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕЦИДИВНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В ДАЛЬНЕВОСТОЧНОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ

SOME REPETITIVE CORE CRIMES PECULIARITIES IN RUSSIAN FAR EAST

E. Stone

Summary. The research showed that one of such peculiarities is high re-offending rate in the Far East, which is 83% higher than in Russia countrywide and 19% higher than in Siberia federal district — neighboring region of the country. This paper represents the analysis of one of the main determinants of core crime in the Far East federal district — the recidivism. The personality of the offender, committing core crimes in the Far East is also analyzed. Based on statistical, empiric and scientific data the author examines the connection of reasons and peculiarities of core crime in the Far East. Conclusions are made about the possibility of reducing core crime in the Far East by influencing the causes of the recidivism.

Keywords: Criminality reasons; criminal determinants; repetitive crimes; core crimes; Russian Far Eastern criminality.

Стоун Елена Михайловна

Северо-Восточный государственный университет
(г. Магадан)
Lzqz@mail.ru

Аннотация. Исследованием установлено, что одной из особенностей преступности Дальневосточного федерального округа является высокий уровень рецидивных преступлений особой тяжести, который на Дальнем Востоке на 83% выше, чем в Российской Федерации в целом и на 19% выше, чем в Сибирском федеральном округе — пограничном с Дальневосточным регионом страны. В статье проводится анализ одной из основных детерминант преступности особой тяжести на территории Дальневосточного федерального округа — рецидивной преступности. Также подвергается анализу личность преступника, совершающего особо тяжкие рецидивные уголовно наказуемые деяния на Дальнем Востоке. На основании статистических, эмпирических и научных данных автором рассматриваются связи причин с особенностями преступности особой тяжести на Дальнем Востоке, делаются выводы о возможности снижения Дальневосточной преступности особой тяжести посредством оказания влияния на причины рецидивной преступности.

Ключевые слова: Причины преступности; детерминанты преступности; рецидивная преступность; особо тяжкая преступность; преступность Дальневосточного федерального округа.

Преступность Дальнего Востока имеет свою специфику, обусловленную региональными особенностями, такими как географическая удаленность, суровые природно-климатические условия, близость границы с Китаем, Кореей и Японией, социально-экономическими и другими особенностями региона. Помимо структурных особенностей преступности особой тяжести, отличающейся относительно высоким уровнем преступлений против личности и преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, здесь наблюдается повышенный уровень вреда от особо тяжких преступлений. Например, уровень погибших от преступных посягательств особой тяжести на территории ДФО в среднем на 84,1% выше общероссийского. Несмотря на общую тенденцию снижения зарегистрированной преступности, восточные регионы страны остаются в лидерах по данному показателю, соревнуясь между собой за первое место [1, с. 13]. Среднегодовой уровень особо тяжких преступлений ДФО на 29,2% выше, чем в целом по России¹.

¹ Здесь и далее для анализа статистических данных о преступности и лицах, совершивших преступления, автором использовались Сведения о состоянии преступности и результатах расследования преступлений за 2009—

Закономерно предположить, что и причины дальневосточной преступности особой тяжести обладают определенной спецификой. Причинный комплекс особо тяжкой преступности в Дальневосточном федеральном округе включает в себя весь спектр негативных социальных явлений экономического, нравственного, политического и психологического порядка. При этом, в различных регионах Дальнего Востока существует своя специфика преступлений по географическому признаку [2, с. 9].

Как будет показано в настоящем исследовании, одним из наиболее значимых детерминирующих факторов преступности особой тяжести на Дальнем Востоке является рецидивная преступность. Задачей настоящего исследования является ее анализ. Ведь без объективного знания причин исследуемого явления, условий воздействия этих причин и факторов, влияющих на особо тяжкую преступность в ДФО, не представляется возможным получать ожидаемые положительные результаты в криминогенной социальной ситуации региона.

Поскольку элементы детерминант преступности тесно взаимосвязаны, при определенных обстоятельствах могут переходить из одной категории в другую,

что характерно для рецидивной преступности, которая может являться как причиной и условием, так и фактором, а разделять их в целях настоящего исследования не имеет смысла, то понятия «детерминанты преступности» и «причины преступности» будут употребляться нами как синонимы.

Одной из особенностей преступности ДФО является высокий уровень рецидивных преступлений особой тяжести, который на Дальнем Востоке на 83% выше, чем в РФ и на 19% выше, чем в СФО — пограничном с Дальневосточным регионе.

Доля особо тяжких рецидивных преступлений в структуре всей преступности в ДФО составляет 3,4%, в СФО — 2,7% и в РФ — 2,3%, то есть этот показатель в ДФО в 1,5 раза выше, чем в РФ и на четверть выше, чем в СФО. Основным признаком рецидивной преступности является ее повторяемость. Повторяемость есть результат преемственности, значение которой в преступности так же велико, как и в любом другом явлении общественной жизни. В рецидивной преступности это определяется не только повторяемостью фактов совершения преступлений одним и тем же лицом, но и повторяемостью характера деяния [3, с. 44]. Как правило, степень общественной опасности рецидивных преступлений от раза к разу носит более тяжкий характер. Именно поэтому высокая доля рецидивных преступлений в общей структуре преступности на Дальнем Востоке представляется социально и криминогенно опасной.

Нескорректированное негативное влияние прежних социальных ролей обуславливает большое количество рецидивистов среди лиц, совершающих преступления особой тяжести. На Дальнем Востоке таких лиц на 9% больше, чем в целом в России. Из них непогашенную судимость имели 72,6%. У таких личностей социальная среда формирует взгляды, которые обуславливают их криминальное поведение. А лучший показатель будущего криминального поведения — это прошлое криминальное поведение [4, с. 18].

Динамика удельного веса лиц, совершающих особо тяжкие преступления, развивается волнообразно, однако за весь исследуемый период наблюдается рост, который происходит одновременно с увеличением перепада этого показателя между уровнями исследуемого параметра в ДФО и РФ, то есть усиливается контраст не в пользу Дальнего Востока.

К росту рецидивной преступности ведёт отсутствие реальной профилактической работы с лицами, освобожденными из мест лишения свободы условно-досрочно. Однако, по мнению специалистов, обязанно-

сти по осуществлению такой работы не возложены ни на один государственный орган [5, с. 482].

При характеристике личности таких лиц рассмотрим его асоциальные взгляды. В психологии убеждения определяются как активно приобретенные и критически осмысленные представления, знания, идеи, имеющие для человека большой личностный смысл и статус доверия, а также определяющие его отношение к разным сферам действительности. Иначе говоря, это компоненты мировоззрения личности, с которыми связано переживание их истинности и потребность следовать им или реализовывать их в жизни [6, с. 676]. Сущность личности заключается в ее психических особенностях, определяющих социальную активность. Она включает в себя совокупность биологических, социальных и личностных качеств. Эти свойства и определяют развитие личности под влиянием среды и наследственности [7, с. 90–91].

По мнению специалистов, совершение преступлений зависит, в том числе, от отношения лица к допустимости деяний, запрещенных уголовным законом. Если лицо придерживается взглядов, которые одобряют преступное поведение, то и соответствующие деяния не заставят себя ждать [8, с. 173]. В системе убеждений рецидивиста сильны убеждения в безупречности их жизненного уклада, и поступков. Убеждения такого рода основываются на том, что получают поддержку окружения, в основном тюремного. Они осознают преступность своих действий, но считают, что в их случае это оправданно обстоятельствами [9, с. 153].

Эти убеждения находят поддержку и вне мест лишения свободы: в преступном сообществе. Преступное поведение, находящее поддержку в ближайшем окружении, со временем перерастает в привычку — автоматизированным действиям, выполнение которых в определенных условиях стало потребностью [6, с. 386, 497, 678]. В результате у личности формируется пренебрежение к обществу и стереотипное преступное поведение.

Криминальное поведение таких лиц является результатом не только взаимоотношений с бывшими осужденными, игнорирования этических норм и предыдущего преступного опыта, но и недостатка контроля уполномоченных органов власти [10, с. 61]. Так, на Дальнем Востоке России ранее отбывали наказание лица, совершающие особо тяжкие рецидивные преступления после условно-досрочного освобождения — 60%, в исправительных учреждениях — 10%, условно осужденные — 15%, осужденные к исправительным работам — 10%, к обязательным работам — 5%.

Преобладающими качествами личности рецидивиста являются индивидуализм, эгоизм и пренебрежение

Таблица 1. Корреляция удельного веса лиц, совершивших особо тяжкие рецидивные преступления с некоторыми социально-экономическими показателями на территории ДФО за период с 2009 года по 2018 год.

Соотношение средней заработной платы 10% наиболее и 10% наименее оплачиваемых работников	- 0,6
Добыча полезных ископаемых (млн. рублей)	- 0,5
Продукция сельского хозяйства (млн. рублей)	- 0,6
Сальдированный финансовый результат (прибыль — убыток) в экономике (млн. рублей)	- 0,8

к обществу. Игнорирование необходимости трудиться и паразитический образ жизни выделяют рецидивистов. Недисциплинированность лиц, совершающих рецидивные преступления, часто является результатом бурных эмоциональных переживаний по поводу различных событий. Эмоциональные качества формируются в процессе человеческой деятельности, всего образа жизни. Возникая благодаря жизненному укладу, эмоции зачастую определяют поведение личности. Рецидивистам присуща повышенная степень эмоциональных переживаний, высокая импульсивность, что приводит к нарушению закона и совершению преступлений [11, с. 230].

Импульсивность идентична отсутствию самоконтроля. Зарубежные исследователи, проведя нейропсихологические исследования изменений критического мышления с течением времени (например, способности думать и предвидеть последствия своих действий), указывают на то, что с возрастом личность реже теряет самоконтроль в сложных или провоцирующих ситуациях. Таким образом, процесс взросления делает лицо менее склонным к совершению преступлений [12, с. 141]. Связь низкого самоконтроля с девиантным или преступным поведением была также установлена другим, масштабным исследованием, охватившим более полумиллиона человек по всему миру [13, с. 54].

Рецидивисты, как правило, характеризуются пренебрежительным отношением к участию в жизни социума, нежеланием работать, неумением контролировать себя, игнорированием нужд окружающих, чрезмерным увлечением алкогольными напитками, наркотическими средствами, иными безнравственными побуждениями, привычками, интересами [9, с. 164].

Зарубежные исследователи выделяют следующие характеристики личностей рецидивистов: недоброжелательность, эгоцентризм, злопамятность, зависть, безразличное отношение к другим, недостаток трудолюбия, положительной социальной мотивации, самообладания. Такие асоциальные личности действуют импульсивно, не придерживаются традиционных и общепринятых ценностей [14, с. 780].

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о девиантности убеждений лиц, совершающих преступления особой тяжести. Они знакомы с нормами уголовного законодательства, но отказываются их соблюдать.

В рамках настоящего исследования был проведён анализ материалов уголовных дел, рассмотренных судами ДФО в отношении лиц, совершающих особо тяжкие рецидивные преступления. Структура направленности этих преступлений следующая: 43% корыстно-насильственные, 31% — насильственные и 27% — корыстные преступления.

Однако в 67% случаев преступник имеет три и более судимостей. И среди них структура направленности преступлений меняется в сторону насильственных: 44% — лица, совершающие насильственные преступления, 38% — корыстно-насильственные преступления. Опасный и особо опасный рецидив среди них встречается в 29% случаев, 2/3 из них совершают корыстно-насильственные преступления. При этом у лиц, совершающих рецидивные особо тяжкие преступления впервые, доля насильственных преступлений близка к нулю.

Практика показывает, что зачастую у рецидивистов с каждым новым преступлением увеличивается тяжесть содеянного [15, с. 57]. В результате такой неблагоприятной динамики на Дальнем Востоке России наблюдается повышенный уровень особо тяжкой преступности.

Стоит обратить внимание на то, что преступники более, чем законопослушные граждане, склонны испытывать социальные проблемы и проблемы, связанные с окружающим миром. Например, проблемы, связанные с неблагоприятным положением в обществе, неумелым воспитанием детей, криминальной виктимизацией. Они часто воспринимают мир суровым, непредсказуемым и несправедливым и поэтому с большей вероятностью оценивают ситуацию, в которой находятся, как оправдывающую или требующую криминального поведения [16, с. 659].

Для успешной социализации таким лицам необходима поддержка. К сожалению, в системе государственных

и муниципальных структур отсутствует орган или должностное лицо, на которое возлагалась бы обязанность оказать условно-досрочно освобожденному конкретную помощь в его трудовом устройстве [17, с. 49]. Ведь предупреждение преступности — это, прежде всего, воздействие на ее причины, выявление преступников и оказание на них предупредительного и исправительного воздействия [18, с. 362].

Нами проведен корреляционный анализ тридцати четырех видов Дальневосточной преступности особой тяжести с двадцатью семью наиболее значимыми социально-экономическими показателями за период с 2009 года по 2018 год¹. Для анализа особенностей, которые обусловили такое восприятие окружающего мира у лиц, совершающих рецидивные преступления особой тяжести на Дальнем Востоке, выделены четыре социально-экономических показателя, для которых обнаружена значимая корреляция с уровнем лиц, совершающих рецидивные преступления особой тяжести, и при этом корреляция существенно более высокая, чем с общим уровнем лиц, совершающих особо тяжкие преступления (Таблица 1). Можно заключить, что наибольшее влияние на уровень лиц, совершающих особо тяжкие рецидивные преступления, оказывают экономические показатели региона. Причем связь здесь является обратной, то есть ухудшение перечисленных в табли-

це 1 экономических показателей ведет к увеличению уровня лиц, совершающих особо тяжкие рецидивные преступления.

Опыт всего мира показал, что если разница в доходах самой бедной и самой богатой группы населения превышает в 15–20 раз, то общество начинает разваливаться. Нарастает агрессия, исчезает солидарность, резко увеличивается число суицидов, появляется больше беспризорников. И даже здоровье людей становится хуже, т.к. многие начинают чувствовать себя социальными аутсайдерами и не имеют средств для профилактики заболеваний и лечения [19, с. 109].

Все регионы Дальнего Востока, за исключением Сахалинской области, являются дотационными [20, с. 24–35]. Соответственно, эффективная региональная политика РФ могла бы привести к снижению особо тяжкой рецидивной преступности в ДФО.

При работе над снижением преступности особой тяжести в ДФО следует обратить особое внимание на причины, лежащие в сфере рецидивной преступности особой тяжести, ведь если поработать над снижением ее уровня, то количество лиц, совершающих особо тяжкие рецидивные преступления на Дальнем Востоке, может сократиться до 60%.

ЛИТЕРАТУРА

1. Комарова Т. М. Преступность как фактор дестабилизации социально-демографической безопасности региона (на примере Дальневосточного федерального округа) // Преступность как фактор дестабилизации социально-демографической безопасности (на примере Дальнего Востока): Сборник материалов научного семинара (г. Владивосток, 18 января 2013 г.). — М.: ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2013. С. 11–24.
2. Организованная преступность Дальнего Востока: региональные черты и хроника событий / кол. авт.; отв. ред. В. А. Номоконов. — Владивосток: Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2011. — 516 с.
3. Лебедев С. Я. Традиции, обычаи и преступность. Теория, методология, опыт криминологического анализа. — М.: Межрегиональный центр коммерческой безопасности, 1995. — 167 с.
4. С. Carlsson. Continuities and Changes in Criminal Careers. Doctoral Thesis // Dissertations in Criminology № 34 — Stockholm University. — Sweden. 2014. — 693 p.
5. Теоретические основы предупреждения преступности на современном этапе развития российского общества: монография / П. В. Агапов, Г. В. Антонов-Романовский, В. К. Артеменков [и др.]; под общ. ред. Р. В. Журбина; Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации. — Москва: Проспект, 2016. — 656 с.
6. Большой психологический словарь. — 4-е изд., расширенное / Сост. И общ. ред. Б. Г. Мещеряков, В. П. Зинченко. — М.: АСТ МОСКВА; СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК. 2009—811 с.
7. Антонян Е. А. Личность рецидивиста: криминологическое и уголовно-исполнительное исследование: дис. . . . доктора юридических наук. Москва, 2013. — 353 с.
8. Janssen H. J. et al. How is parenting related to adolescent delinquency? A between-and within-person analysis of the mediating role of self-control, delinquent attitudes, peer delinquency, and time spent in criminogenic settings // European Journal of Criminology. — 2016. — Т. 13. — №. 2. — P. 169–194.
9. Преступление и наказание. Криминологический психологический анализ: монография / Ю. М. Антонян, В. Е. Эминов. — М.: Норма: ИНФРА-М, 2014. — 304 с.
10. Громова Е. В. Основные тенденции, характеризующие состояние преступности в Дальневосточном федеральном округе // Российское право: Образование. Практика. Наука. 2016. № 4 (94) С. 60–61.
11. Кобец П. Н. Исследование личности рецидивиста — как одна из важнейших задач связанных с разработкой мер по предупреждению рецидива преступлений // Символ науки. 2015. № 6 С. 229–231.

¹ Россия в цифрах. 2010–2018: Крат. стат. сб. / Росстат — М., 2010–2019. с. 40–47.

12. Pratt T. C. A self-control/life-course theory of criminal behavior // *European Journal of Criminology*. — 2016. — Т. 13. — № 1. — P. 129–146.
13. Vazsonyi A. T., Mikuška J., Kelley E. L. It's time: A meta-analysis on the self-control-deviance link // *Journal of Criminal Justice*. — 2017. — Т. 48. — P. 48–63.
14. Miller J. D., Lynam D. Structural models of personality and their relation to antisocial behavior: A meta-analytic review // *Criminology*. — 2001. — Т. 39. — № 4. — С. 765–798.
15. Варанкина Ю. С., Ларичев В. Д. Криминологическая характеристика и предупреждение убийств, совершаемых на дальнем востоке: монография. — М.: Юрлитинформ, 2015. — 152 с.
16. Simons R. L. et al. Incorporating routine activities, activity spaces, and situational definitions into the social schematic theory of crime // *Criminology*. — 2014. — Т. 52. — № 4. — P. 655–687.
17. Бурчихин А.Н., Брылевский А. В. Предупреждение преступлений, совершаемых лицами, условно-досрочно освобожденными из мест лишения свободы: прак.рек. — Рязань: Академия ФСИН России, 2013. — Кн.75–64 с.
18. Антонян Ю. М. Наука криминология: монография. — М.: Юрлитинформ, 2015. — 376 с.
19. Причины преступности в России: монография / под ред. Ю. М. Антоняна — Москва; Санкт-Петербург: Нестор-История, 2013. С. 109.
20. Козлов Л. Е., Волынчук А. Б. Региональная политика России на Дальнем Востоке в условиях неблагоприятной внешней среды (2014–2016 гг.) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2016. № 4 (39) С. 24–35.

© Стоун Елена Михайловна (Lzqz@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Г. Магадан